

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Римляне делили день на двенадцать часов. Первый, *hora prima*, начинался с восхода солнца. Последний, *hora duodecima*, заканчивался с его закатом¹.

Ночь делилась на восемь страж: *Vespera*, *Prima fax*, *Concubia* и *Intempesta* шли до полуночи; *Inclinatio*, *Gallicinium*, *Conticinium* и *Diluculum* — после полуночи².

Дни недели были посвящены Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере, Сатурну и Солнцу.

События, описанные в книге, происходят за четыре дня.

В последнюю неделю августа семьдесят девятого года от Рождества Христова солнце вставало над Неаполитанским заливом примерно в 6 часов 20 минут.

¹ *Hora prima* — час первый; *hora duodecima* — час двенадцатый (лат.). — Здесь и далее примечания переводчика.

² *Vespera* — лат. «вечерняя»; *Prima fax* — «зажигание факелов»; *Concubia* — «время, когда ложатся спать»; *Intempesta* — «глубокая ночь»; *Inclinatio* — от лат. *inclinatus* — «идущий на убыль»; *Gallicinium* — «крик петуха»; *Conticinium* — часть ночи перед рассветом; *Diluculum* — «предрассветная пора, рассвет».

Во всем поднебесном мире нет другой земли, столь щедро одаренной Природой, как Италия, правительница и вторая мать мира, с ее мужчинами и женщинами, ее военачальниками и солдатами, ее рабами, ее превосходством в искусствах и ремеслах, ее обилием выдающихся талантов...

Плиний. Естественная история

Разве можно не восхищаться системой водоснабжения, которая в первом веке нашей эры поставляла в Рим куда больше воды, чем поставлялось в Нью-Йорк в 1985 г.?

А. Тревор Ходж. Римские акведуки и водоснабжение

МАРС
22 августа

ДВА ДНЯ ДО ИЗВЕРЖЕНИЯ

Conticinium [04:21]

Выявлена взаимосвязь между силой извержения и продолжительностью предшествовавшего периода покоя. Почти все крупные, вошедшие в историю извержения от вулканов произошли после многолетнего периода безмолвования оных.

*Жак-Мари Бардинцефф, Александр Р. Макбирни.
Вулканология*

Они покинули акведук за два часа до рассвета и при свете луны отправились в холмы, окружающие порт, — цепочка из шести человек, акварий впереди. Он лично постыгивал рабочих с кроватей, и теперь они, одеребеневшие со сна и мрачные, жаловались на него, не понимая, что в теплом неподвижном воздухе их голоса разносятся куда дальше, чем им кажется.

— Дурацкая затея, — пробурчал кто-то.

— Мальчишка свихнулся на своих книжках, — отозвался другой.

Акварий прибавил шаг.

«Пусть себе болтают».

Он уже чувствовал зарождение дневной жары, предвещающей еще один день без дождя. Почти все члены его бригады были старше аквария, и все без исключе-

ния — выше; акварий был крепко сбитым, мускулистым, коротко стриженным шатеном. Черенки инструментов, которые он нес на плече, — тяжелой бронзовой кирки и деревянной совковой лопаты — натирали загорелую шею. Но акварий, невзирая на это, шагал быстро и размашисто, твердо ставя босые ноги, и лишь когда оказались высоко над Мизенами, там, где тропа раздваивалась, остановился, опустил свою ношу на землю и подождал остальных.

Акварий вытер тыльной стороной ладони пот со лба. До чего же сверкающее небо тут у них, на юге! Даже сейчас, перед самым рассветом, огромный звездный купол спускался до самого горизонта. Акварий видел рога Тельца и перевязь с мечом, принадлежащие Охотнику. Вон Сатурн, вон Медведица, а вон и созвездие, которое тут именуют Виноградарем, — то самое, которое всегда поднимается над созвездием Цезаря в двадцать второй день августа, возвещая, что пора собирать виноград. Завтра наступит полнолуние. Акварий поднял руку к небу — его короткие пальцы черным силуэтом отчетливо вырисовывались на фоне мерцающих созвездий. Акварий вытянул пальцы, сжал в кулак, снова распрямил, и на миг ему почудилось, будто он — тень, ничто, а свет весом и материален.

Снизу, из порта, донесся плеск весел; это ночной дозор проплывал между пришвартованными в гавани триремами. Пара рыболовецких суден подмигивали желтыми огоньками-светильниками с другой стороны залива. Где-то залаяла собака; ей отозвалась другая. А потом на тропе послышались голоса рабочих, медленно карабкавшихся следом за акварием. Надсмотр-

щик Коракс — аквариий узнал его по местному резкому выговору — бросил: «Глядите-ка, наш-то новый, машет ручкой звездам!» — и остальные рассмеялись, хватая ртом воздух. Всех их — и рабов, и свободных — сейчас уравнило негодование.

Аквариий опустил руку.

— По крайней мере, — сказал он, — с таким небом нам не нужны факелы.

Он вновь взбодрился, подобрал инструменты и закинул обратно на плечо.

— Пошевеливайтесь, скоро рассвет.

Аквариий сощурился, вглядываясь в темноту. Одна тропа уходила на запад, огибая холмы. Вторая вела на север, в сторону города Байи, приморского курорта.

— Думаю, нам сюда.

— Он думает! — фыркнул Коракс.

Аквариий еще накануне решил, что наилучший способ общаться с этим надсмотрщиком — игнорировать его. А потому он молча повернулся спиной к морю и звездам и двинулся вверх по темному склону. В конце концов, к чему еще сводится руководство, если не к умению наугад выбрать из нескольких путей один и уверенно делать вид, будто твой выбор чем-то обоснован?

Тропа становилась все уже и извилистей. Акварию приходилось ступать боком, временами хватаясь за склон свободной рукой; ноги его скользили, и камешки сыпались куда-то во тьму. Всякий, взглянув на эти бурные холмы, выжженные летними пожарами, решил бы, что тут должно быть сухо, как в пустыне. Но аквариий знал, что это не так.

И все же он чувствовал, что прежняя его уверенность начинает слабеть. Он попытался вспомнить, как выглядела эта тропа под слепящими солнечными лучами, днем, когда он впервые разведal ее: валки обгорелой травы и там, где почва понижается, — бледно-зеленые пятнышки среди черноты — признаки жизни, протянувшиеся к валуны побеги плюща.

Одолев половину склона и снова спустившись, акварий остановился и медленно повернулся, описав полный круг. То ли его глаза привыкли к этому освещению, то ли рассвет и вправду близок... Если второе, значит у них почти не осталось времени. Остальные столпились за спиной у аквария. Он слышал их тяжелое дыхание. Рабочим будет о чем порассказать, когда они вернутся в Мизены: как их новый акварий вытряхнул их из постелей и среди ночи уволок в холмы, и все из-за какой-то дурацкой ошибки. Акварий почувствовал на губах привкус пепла.

— Что, красавчик? Мы заблудились? — снова раздался насмешливый голос Коракса.

Акварий, не удержавшись, клюнул на приманку:

— Я ищу камень.

На этот раз рабочие даже не старались скрыть свой смех.

— То-то он носится кругами, словно мышь в ночном горшке!

— Я знаю, что он где-то здесь. Я пометил его мелом.

Новый взрыв смеха. Акварий развернулся к рабочим. Приземистый, широкоплечий Коракс. Длинноногий Бекко, штукатур. Круглолицый Муса, каменщик. И два раба, Политий и Корвиний. Казалось, будто даже их расплывчатые силуэты исполнены насмешки.

— Смейтесь? Ладно. Но я вам вот что пообещаю: или мы найдем его до рассвета, или нам придется вернуться сюда завтра ночью. Включая и тебя, Гавий Коракас. Только к следующему разу потрудись протрезветь.

Воцарилось молчание. Потом Коракас сплюнул и шагнул вперед. Акварий напрягся, приготовившись к схватке. Они шли к этому вот уже три дня, с того самого момента, как он прибыл в Мизены. И часа не проходило без того, чтобы Коракас не пытался задрать его в присутствии своих людей.

«А если мы подеремся, — подумал акварий, — Коракас победит — еще бы, пятеро на одного! — и они сбросят мой труп со скалы и скажут, что я поскользнулся в темноте. Только вот что они сообщат в Рим, если на Акве Августе меньше чем за две недели погибнет второй акварий?»

Несколько бесконечно долгих мгновений они стояли друг напротив друга, на расстоянии одного-единственного шага — так близко, что акварий чувствовал исходящий от Коракаса запах перегара. Но тут у одного из рабочих — у Бекко — вырвался возбужденный возглас, и он указал вбок.

За плечом у Коракаса виднелся камень, аккуратно отмеченный посередине жирным белым крестом.

Аквария звали Аттилий — если полностью, то Марк Аттилий Прим, но его вполне устраивало просто Аттилий. Он был человеком практичным, и у него не было времени на все те причудливые прозвания, которыми увлекались его земляки. (Люпус, Пантера, Пульхер — Волк, Леопард, Красotka — да как такое вообще можно воспринимать всерьез?) Да и кроме то-

го, разве было в истории его профессии более славное имя, чем имя рода Аттилиев, вот уж четыре поколения дававших стране зодчих-аквариев? Его прадеда сам Марк Агриппа забрал из отделения баллист XII легиона — «Фульмината» — «Молниеносного» — и отправил строить Акву Юлию. Его дед спроектировал Новый Аниен. Его отец завершил Акву Клавдию — семь миль арок, — довел ее до Эсквилинского холма и в день освящения положил, словно серебряный ковер, к ногам императора. И вот теперь его, Марка Аттилия, в его двадцать семь лет отправили на юг, в Кампанию, и отдали под его начало Акву Августу.

Династия, построенная на воде!

Аттилий, сощурившись, вглядывался в темноту. О, Августа была настоящим чудом — одним из величайших произведений инженерного искусства, когда-либо существовавших в мире. Надзирать за ней — большая честь. Вдали от Мизен, на противоположной стороне залива, высоко в Апеннинских горах, поросших сосновым лесом, этот акведук вбирал в себя истоки Сериния и нес воды на запад — проводя их через трубы по извилистым подземным путям, через ущелья по ступенчатым аркадам, прогоняя через долины сквозь огромные сифоны — и так до самых равнин Кампаны и дальше, вокруг Везувия, на юг, к берегу Неаполитанского залива, и, наконец, через весь Мизенский полуостров к этому пыльному портовому городу. Августа тянулась почти на шестьдесят миль, а значит, понижалась на ширину ладони за каждые триста футов. Это был самый длинный акведук в мире — даже длиннее, чем великие акведуки Рима, — и куда более сложный,

чем его северные собратья, питавшие водой лишь один-единственный город. Извилистый трубопровод Августы — материнская жила, как его именовали, — поил ни много ни мало девять городов, лежащих на берегах Неаполитанского залива: Помпеи, расположенные в самом конце длинного ответвления, затем Геркуланум, Нола, Ацерра, Ателла, Неаполь, Путеолы, Кумы, Байи и, наконец, Мизенум.

«В том-то и проблема», — подумал инженер.

На Августу слишком много возложили. В конце концов, в том же Риме больше полудюжины акведуков; если иссякнет один, нехватку воды восполнят другие. А здесь резервного водовода нет, и это особенно остро ощущается в нынешнюю засуху, что тянется уже третий месяц. Колодцы, откуда брали воду на протяжении нескольких поколений, превратились в пыльные ямы. Ручьи пересохли. Руслу рек превратились в тропы — крестьяне гнали по ним скот на ярмарку. Даже Августа выказывала признаки истощения; уровень воды в ее гигантских резервуарах понижался с каждым часом. Именно это и привело Аттилия сюда, на склон холма, в столь ранний час, когда ему еще следовало бы мирно спать в своей постели.

Аттилий достал из кожаной поясной сумки кусок полированной кедровой древесины, с вырезанным в боку углублением для подбородка. Поверхность дерева была гладкой и блестящей — от прикосновений его предков. Прадед рассказывал, что эту деревяшку подарил ему в качестве талисмана сам Витрувий, архитектор божественного Августа. Старик утверждал, будто в ней живет дух Нептуна, бога воды. Аттилию было не

до богов — всех этих мальчишек с крылышками на сандалиях, женщин, едущих верхом на дельфинах, старцев, в приступе дурного настроения швыряющихся молниями с вершины горы. Это байки для детей — не для мужчин.

Аттилий верил в камни и воду и в ежедневное чудо, происходящее от смешения двух частей мокрого ила с пятью частями путеоланума, местного красного песка. Так возникало вещество крепче камня, из которого можно было выкладывать водовод.

И все же — лишь глупец стал бы отрицать существование удачи, и если эта фамильная реликвия способна принести ему удачу... Аттилий провел пальцем по поверхности дерева. В любом случае попробовать стоит.

Он оставил свои свитки с трудами Витрувия в Риме. Но это не важно. Он помнит их наизусть. Их вколотили в него еще в детстве, в те годы, когда другие мальчишки заучивают стихи Вергилия. Аттилий и ныне мог процитировать по памяти любой абзац.

«О присутствии воды свидетельствуют растения: стройный тростник, дикая ива, ольха, плющ и прочие им подобные, не способные расти без влаги...»

— Коракс, сюда, — распорядился Аттилий. — Корвиний, стой здесь. Бекко, возьми кол и отметишь то место, на которое я укажу. Вы двое — будьте настороже.

Когда инженер прошел мимо Коракса, тот смерил его взглядом.

— Потом, — сказал Аттилий. От надсмотрщика несло негодованием — почти столь же сильно, как перегаром. Ну и пусть. Они еще успеют уладить свою

ссору, когда вернуться в Мизены. А сейчас нужно поторопиться.

Звезды подернулись серой дымкой. Луна спряталась за край горизонта. В пятнадцати милях восточнее, на другой стороне залива, вырисовался силуэт поросшей лесом горы Везувий. Из-за нее и взойдет солнце.

«Вот как следует искать воду: ляг лицом вниз, перед восходом солнца, в том месте, где надлежит проводить поиски, положи подбородок на землю и огляди окрестности. Этот способ не позволит взгляду подняться выше, чем должно, ибо подбородок будет неподвижен...»

Аттилий опустил на выгоревшую траву, вытянулся во весь рост и положил деревяшку так, чтобы она находилась на одной линии с нарисованным мелом крестом — до него было пятьдесят шагов. Затем он положил подбородок на подставку и раскинул руки. Земля до сих пор хранила тепло вчерашнего дня. Потревоженный пепел осел ему на лицо. Росы — ни капли. Семьдесят восемь дней без дождя. Все выгорело дотла. Бокowym зрением Аттилий заметил, как Коракас сделал непристойный жест и выпятил пах: «У нашего аквария нет жены, так он пытается трахнуть землю-матушку!» — а потом Везувий потемнел, и из-за его гребня брызнули солнечные лучи. В щеку тут же словно ударила стрела жара. Аттилию, обшаривающему взглядом склон, пришлось поднять руку, чтобы заслонить глаза от ослепительного света.

«Проследи, где над землей курится пар, и копай там, ибо этот знак неоспоримо указывает на присутствие влаги...»